

RU

Роль категории множественности в реализации стратегий дискредитации и легитимации в американских СМИ на английском языке

Катаргулов Д. Н.

Аннотация. Настоящая работа посвящена изучению категории множественности и ее роли в реализации манипулятивных стратегий дискредитации и легитимации. В статье рассматриваются фрагменты новостных публикаций в ведущих американских изданиях (The New York Times и Fox News) на английском языке, в основном посвященных объединению БРИКС, в которых указанные стратегии реализуются, в частности, через сочетание глагольной и именной множественности. Цель исследования – выявление роли категории множественности в актуализации манипулятивных стратегий дискредитации и легитимации в общественно-политическом дискурсе. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые выявляется роль и описывается механизм действия категории множественности в создании фреймов обвинения/оправдания в рамках речевых стратегий дискредитации и легитимации. В результате исследования установлено, что различные способы выражения категории множественности усиливают функции основных и вспомогательных стратегий дискредитации и легитимации, создавая модели повторяющихся процессов. В дискредитационных текстах доминирует многократность с целью обвинения или указания на исходящую угрозу, тогда как в легитимационных – повторяемость с фиксированными циклами и причинно-следственными связями.

EN

The role of the category of multiplicity in the realization of the discrediting and legitimization strategies in American English-language media

D. N. Katargulov

Abstract. This paper examines the category of multiplicity and its role in the implementation of manipulative strategies of discrediting and legitimization. The article analyzes excerpts of news reports from leading American media outlets (The New York Times and Fox News) in English, primarily those dedicated to BRICS, the focus being on the strategies employed in the excerpts, particularly through a combination of verbal and nominal multiplicity. The goal of this study is to determine the role of the category of multiplicity in the implementation of manipulative strategies of discrediting and legitimization in socio-political discourse. The research is novel in that it identifies the role of the category of multiplicity and describes its mechanism in constructing accusation and justification frames within the strategies of discrediting and legitimization. The study revealed that varied expressions of the category of multiplicity serve to reinforce the functions of primary and secondary strategies of discrediting and legitimization, thereby giving rise to models of repetitive processes. In discrediting texts, multiplicity assumes a dominant role, with the objective of accusing or indicating an emerging threat. Conversely, in legitimizing texts, repeatability with fixed cycles and cause-and-effect relationships prevail.

Введение

В последние несколько десятилетий внимание прагмаориентированной лингвистики сосредоточено на исследовании манипулятивных стратегий в разных типах институционального дискурса. Современный интерес к политическому медиадискурсу обусловлен его способностью выступать в качестве инструмента политической пропаганды. Являясь одним из основных каналов воздействия на массы, СМИ способны манипулировать общественным сознанием и формировать мнение о странах и конфликтах. Актуальность работы

обусловлена необходимостью глубокого понимания механизмов воздействия медиа на международные отношения и внешнеполитическую повестку. Исследование манипулятивных стратегий и тактик в политическом медиадискурсе позволяет раскрыть способы влияния на общественное мнение и межгосударственные взаимоотношения. В частности, в работе анализируется категория множественности и ее роль в контексте усиления стратегий дискредитации и легитимации, что становится особенно значимым на фоне текущих напряженных отношений между БРИКС и Коллективным Западом.

Для достижения поставленной цели следует решить ряд задач:

- рассмотреть различные виды манипулятивных стратегий и тактик в СМИ;
- изучить понятие категории множественности;
- выявить языковые средства, используемые журналистами при реализации манипулятивных стратегий и тактик конструирования образа БРИКС в англоязычном политическом медиадискурсе;
- проанализировать реализацию ключевых стратегий воздействия и тактик через категорию множественности.

В ходе работы были использованы следующие общенаучные и лингвистические методы исследования: дефиниционный анализ использовался для уточнения понятийного аппарата; лексико-семантический анализ применялся для выявления семантических особенностей языковых средств, актуализирующих категорию множественности; контекстуальный анализ – для определения функций исследуемых единиц в конкретных текстовых фрагментах; дескриптивный анализ – для последовательного описания и систематизации материала; с помощью количественного анализа была установлена частотность и соотношение выявленных языковых средств; дискурс-анализ был применен для выявления способов реализации стратегий дискредитации и легитимации, прагматический анализ – для интерпретации коммуникативных намерений адресанта и воздействующего потенциала высказываний; сравнительно-сопоставительный анализ – для сопоставления способов выражения категории множественности в различных медиатекстах в рамках разных стратегий; целенаправленная выборка использовалась для отбора репрезентативных текстовых фрагментов, которые соотносятся с задачами исследования.

Материалом для исследования послужили текстовые фрагменты, отобранные из статей, опубликованных в американских СМИ *The New York Times* и *Fox News* в период с 2012 по 2025 год.

Теоретическую базу работы составили исследования, посвященные как классификациям стратегий и тактик воздействия в общественно-политическом дискурсе (Herman, Chomsky, 1988; Chomsky, 1992; 2011; Chilton, 2004; Pennycook, Rand, 2021; Dommett, Mensah, Zhu et al., 2025; Шейгал, 2004; Михалёва, 2009; Недзельская, Борискина, 2021), так и монографии, анализирующие различные способы актуализации манипулятивных стратегий в различных типах дискурса (Potter, 1996; Fairclough, 2003; Van Dijk, 2006; Udry, Barber, 2024; Доценко, 1997; Кара-Мурза, 2005; Иссерс, 2008; Ехлакова, Иссерс, 2022; Малышева, Рогалева, 2023). Исследований, рассматривающих роль определенных грамматических категорий (модальность, аспектуальность, залог и т. п.) или лексических и стилистических средств (эмоционально-оценочная лексика, эмфатизаторы, метафора и т. п.) в реализации тех или иных стратегий и тактик речевого воздействия, крайне мало (Martin, White, 2005; Mocanu, 2015).

Настоящее исследование призвано в некоторой степени заполнить эту лауну, поскольку ставит целью изучить различные способы актуализации категории множественности и выявить ее роль в реализации основных стратегий воздействия – дискредитации и легитимации – в англоязычном общественно-политическом дискурсе на материале англоязычных новостных публикаций (*The New York Times* (2012–2025), *Fox News* (2012–2025)).

Практическая значимость работы определяется возможностью применения полученных результатов для разработки теоретических и практических курсов по теории дискурса, прагмалингвистике, политической лингвистике. Результаты также могут быть полезны для создания учебных пособий по анализу дискурса англоязычных публицистических текстов. Кроме того, материалы работы могут быть использованы в ходе исследований в рамках таких смежных дисциплин, как психология, социология и политология.

Обсуждение и результаты

1. Стратегии речевого воздействия

В контексте эффективного общения ключевую роль играют коммуникативные стратегии и тактики. Целью является не только разработка классификации коммуникативных подходов с точки зрения прагматики, но и создание систематизированной типологии коммуникативных тактик, которые соответствуют определенным стратегиям в различных дискурсивных контекстах. Таким образом, предотвращение речевых неудач требует гармонизации коммуникативных стратегий и тактик с намерениями говорящего. В современных исследованиях подчеркивается, что при типологизации стратегий необходимо учитывать не только «внутренние» лингвистические параметры высказывания, но и «внешние» медиаформаты (формат сообщения, платформенные механизмы распространения), поскольку они существенно влияют на реализацию и эффективность стратегий, в том числе направленных на дезинформацию (Pennycook, Rand, 2021).

Коммуникативная стратегия является ключевым элементом в процессе коммуникативного воздействия, объединяя разнообразные вербальные и невербальные методы для достижения определенной коммуникативной задачи (Клюев, 1998, с. 34). Она формирует общую рамку поведения, в которой возможны временные отступления от первоначальной цели на отдельных этапах, причем многие стратегии со временем становятся ритуализированными, теряя свою изначальную информативность и актуальность (Кашкин, 2000, с. 132).

С когнитивной точки зрения, О. С. Иссерс определяет коммуникативную стратегию как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей, который включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» (2008, с. 109). Важное в дефиниции О. С. Иссерс – *планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов*. Эта дефиниция может быть дополнена с учетом особенностей медиасреды, то есть планирование должно предусматривать прогноз распространения сообщения, его вероятную повторяемость и риски, вызванные ограниченной диверсификацией медиаканалов (Udry, Barber, 2024).

Под коммуникативной тактикой О. С. Иссерс понимает «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии. Стратегический замысел определяет выбор средств и приемов его реализации, следовательно, речевая стратегия и тактика связаны как род и вид» (2008, с. 109). Отмечается динамический характер тактики, обеспечивающий гибкость стратегии и оперативное реагирование на ситуацию. В современной медиакоммуникативной практике к традиционным речевым тактикам (вуалирование, мистификация и др.) добавляются тактики медиаподачи информации. К ним относятся многократная репрезентация одного и того же содержания в различных форматах, использование переработанных или адаптированных медиаматериалов, адресное распространение сообщений для конкретных аудиторных групп, а также оперативное преобразование формы подачи информации (например, переход от аналитической статьи к краткому видеосообщению или цитатному фрагменту). Подобная вариативность форм репрезентации приводит к тому, что коммуникативная тактика реализуется не только на уровне языковых средств, но и на уровне медиаканалов и форматов распространения информации (Dommett, Mensah, Zhu et al., 2025).

Важным элементом анализа манипулятивных стратегий в политическом медиадискурсе является задача описания речевых стратегий и выделение типовых тактик, которые реализуют эти стратегии. Методологически обоснованный анализ таких тактик предполагает сочетание дискурсивного анализа (лексика, синтаксис, прагматика) с учетом особенностей медиасреды и способов распространения информации. Подобный комплексный подход используется в современных исследованиях политического медиадискурса и пропагандистских практик (Малышева, Рогалева, 2023, с. 544; Егошкина, 2023, с. 2; Ехлакова, Иссерс, 2022, с. 22).

В рамках данного исследования *под коммуникативной стратегией понимается комплексный подход, включающий в себя выбор и применение различных вербальных и невербальных методов для достижения конкретных целей в общении*. Это означает осмысленное планирование и структурирование коммуникативного процесса, учитывающее как общие рамки поведения, так и возможность адаптации к изменяющимся условиям в ходе общения. Стратегия, таким образом, отражает долгосрочную перспективу в достижении коммуникативных задач, предполагая гибкость и адаптивность в подходах.

Коммуникативная тактика, со своей стороны, представляет собой конкретные действия или набор действий, которые служат непосредственной реализации стратегического замысла. Тактики включают в себя выбор определенных речевых приемов, умение адаптироваться к ситуации в реальном времени, обеспечивая таким образом гибкость и эффективность стратегии. Тактика, будучи динамичной, позволяет навигировать по сложным коммуникативным процессам, оптимизируя взаимодействие для достижения поставленных целей.

Важно подчеркнуть, что стратегия и тактика в коммуникативном процессе тесно связаны и взаимозависимы. Стратегия определяет общее направление и цели коммуникации, в то время как тактика касается непосредственной реализации этих целей через конкретные речевые действия. Это взаимодействие между стратегией и тактикой позволяет коммуникантам эффективно адаптироваться к разнообразным коммуникативным ситуациям, учитывая как общие цели, так и специфику момента.

Стоит отметить, что стратегии и тактики в контексте политического медиадискурса обретают особую значимость, поскольку цели коммуникантов направлены не только на эффективное общение, но и на манипулирование общественным мнением. Коммуникативные стратегии – один из ключевых моментов в анализе того, как журналисты строят свои высказывания, как они манипулируют общественным сознанием. В частности, А. В. Колмогорова и Ю. А. Горностаева отмечают, что в современных условиях институт власти вынужден постоянно доказывать свое право на существование с помощью легитимационных инструментов СМИ: «...социальный институт нуждается в постоянном применении инструментов легитимации. Сферой, где такие инструменты действуют наилучшим образом, являются массмедиа» (2021, с. 41). В свою очередь И. В. Савельева подтверждает, что «организация и способы подачи информации в дискурсе СМИ влияют на принятие или непринятие обществом легитимности действий существующих политических институтов» (2019, с. 188).

Классификация стратегий речевого воздействия в современной лингвистике представляет комплексную проблему, обусловленную как многообразием дискурсивных практик, так и отсутствием единства терминологии. Е. И. Шейгал выделяет стратегии вуалирования (затушевывания нежелательной информации), мистификации (сознательного введения в заблуждение) и деперсонализации (снятия ответственности) (2004, с. 115). А. А. Филинский акцентирует внимание на стратегиях конструирования образа врага, дискредитации и амальгамирования («мы»-дискурс) (2002, с. 5). О. С. Иссерс подробно исследует типы речевых стратегий: основные и вспомогательные. Среди основных ученый выделяет стратегию дискредитации, а среди вспомогательных – стратегию самопрезентации (Иссерс, 2008, с. 105). О. Н. Паршина (2007), рассматривая речь представителей российской политической элиты, различает стратегии дискредитации, самопрезентации, самозащиты, удержания власти и убеждения. В монографии О. Л. Михалевой (2009, с. 45) находим иные базовые стратегии – «на понижение», «на повышение» и «театральности». Каждая из вышеприведенных классификаций

подчеркивает различные аспекты манипуляции, а их многообразие демонстрирует отсутствие единства терминологии. Тем не менее анализ значительного количества разнообразных классификаций дискурсивных стратегий позволяет прийти к следующим выводам: во-первых, некоторые стратегии представляют собой подтипы макро-стратегий (или микростратегий), а, во-вторых, многие исследователи опираются на схожие дихотомии.

Большинство классификаций базируются на выделении двух противоположных макростратегий: дискредитации и легитимации. А. Б. Недзельская и О. О. Борискина (2021, с. 77) применяют этот подход в своей классификации основных стратегий и тактик манипулятивного воздействия. В упомянутой выше классификации О. Л. Михалевой (2009) первая из названных будет соответствовать стратегии «на понижение» (стратегия дискредитации по О. С. Иссерс (2008)), а вторая – стратегии «на повышение» (стратегия легитимации). Цель стратегии дискредитации – подорвать авторитет оппонента, унижить его, в том числе с помощью вышеназванных микростратегий вуалирования и мистификации. Как отмечают В. А. Каменева и Н. В. Рабкина (2021), в политическом дискурсе стратегия делегитимизации (то же, что дискредитация) направлена на подрыв или снижение кредита доверия к оппоненту и предлагаемым им политическим решениям. Стратегия легитимации, напротив, призвана сформировать положительный образ адресанта и оправдать его действия в том числе через микростратегию деперсонализации. Примечательно, что, как подчеркивают Н. В. Мельник и М. А. Силкова: «Основная подцель... политического дискурса <...> направлена на легитимацию политических решений» (2021, с. 19). В настоящем исследовании будем опираться именно на эти две базовые макростратегии и указывать тактики, использованные в рамках реализации этих речевых стратегий воздействия.

Примеры ниже иллюстрируют применение этих стратегий через конкретные речевые тактики.

Обратимся к примеру реализации стратегии дискредитации.

В рамках саммита БРИКС в 2024 году президент Ирана высказал негативное отношение в адрес организации. Автор статьи *Fox News* описал это следующим образом:

(1) Iranian President Masoud Pezeshkian said in an address to the summit that BRICS *must act* as more than a ‘*dialogue club*,’ and said that *15 years after the creation of the alliance, many of its goals remain unfulfilled* (Putin welcomes..., 2024). / В своем обращении к участникам саммита президент Ирана Масуд Пезешкиан подчеркнул, что БРИКС должен выйти за рамки дискуссионного клуба. Он отметил, что спустя 15 лет после создания альянса многие из поставленных целей остаются нереализованными (здесь и далее перевод наш. – Д. К.).

Стратегия дискредитации реализуется через тактику безличного обвинения, которую президент Ирана высказывает в отношении к работе организации. При этом он не называет имена глав государств или сами страны международной организации.

Рассмотрим еще один пример. В рамках саммита БРИКС в 2024 году В. В. Путин сказал следующее:

(2) “The dollar is being used as a weapon,” Putin said at the summit (Putin welcomes..., 2024). / “Доллар [последовательно] используется как оружие”, – сказал Путин на саммите.

В данном текстовом фрагменте стратегия дискредитации реализуется через тактику обвинения. Автор статьи апеллирует к авторитетному лицу, используя прямую цитату В. В. Путина, которую тот произнес на саммите БРИКС. Сравнение доллара с оружием усиливает восприятие угрозы для БРИКС. Стоит отметить, что в этой статье автор пишет о том, что, несмотря на усилия БРИКС, доллар продолжает доминировать на международном рынке.

Проиллюстрируем реализацию стратегии легитимации.

В статье *Fox News* автор пишет о прошедшем в 2024 году саммите БРИКС. Так он описывает дипломатические отношения России и Китая:

(3) Russia-China cooperation in international affairs is one of *the main stabilizing factors in the world* (Putin welcomes..., 2024). / Сотрудничество России и Китая на международной арене представляет собой один из важнейших стабилизирующих факторов в мире.

Стратегия легитимации реализуется через тактику презентации. Журналист создает образ долгосрочного стратегического партнерства двух основных стран-участниц БРИКС. Образ партнерства представляется как гарантия международной стабильности.

Стратегия легитимации может реализовываться с помощью основной тактики анализ-плюс:

(4) *In the last decade, over 40 percent of the growth in global G.D.P. came from the BRICS countries* (Putin Brings Together Economies..., 2024). / За последнее десятилетие более 40 процентов роста мирового ВВП пришлось на страны БРИКС.

Автор публикации, ссылаясь на статистику, имплицитно формирует положительный образ БРИКС, акцентируя внимание на экономических результатах, свидетельствующих о том, что БРИКС – один из основных игроков на международном экономическом рынке.

2. Категория множественности

Исследования категории множественности, начиная с работ И. А. Бодуэна де Куртене (1963) и В. Дресслера (Dressler, 1968), выходят за рамки изучения количественной характеристики предметов и обращаются к количественной характеристике действий. Модель глагольной множественности В. Дресслера включает 4 основных группы по способам действия: итеративные, дистрибутивные, континуитивные, интенсивные. При этом В. Дресслер соотносит частные значения глагольной и именной множественности, связывая глагол с категорией времени, а имя – с категориями субстанции и пространства. В концепции Ю. С. Маслова (1984)

количественная аспектуальность характеризует действия и состояния по количеству «крат» или прерывности/непрерывности, степени длительности и степени интенсивности, что выражается с помощью лексических, словообразовательных, синтаксических средств и/или их сочетания. В монографии «Типология итеративных конструкций» (1989), вышедшей под редакцией В. С. Храковского, предлагается расширенный взгляд на функционально-семантическую категорию множественности, которая «свойственна как субстанциям, обозначаемым существительным, так и действиям, обозначаемым глаголами, и соответственно ситуациям, выражаемым в предложении» (Типология итеративных конструкций..., 1989, с. 12). При этом функционально-семантическое поле множественности состоит из предикатов, сочетающихся со значениями признака множественности, слов и словосочетаний, выражающих значения признака множественности, грамматических категорий, предназначенных для выражения значений данного признака, а также элементов контекста за пределами предложения, обеспечивающих однократное или многократное прочтение глагольной формы (Типология итеративных конструкций..., 1989, с. 19). Таким образом, в реализации категории множественности участвуют разноуровневые языковые средства.

В современных исследованиях категория множественности рассматривается также с позиций типологического и корпусного анализа. Так, отмечается необходимость более точного разграничения различных семантических типов повторяемости действия. В частности, Л. Ясаи (2022, с. 305-309) выделяет ряд параметров, позволяющих описывать итеративные значения в русском языке: характер ограниченности повторяемости, степень временной локализованности действия, а также источник итеративного значения. Подобный подход позволяет уточнить соотношение лексических и грамматических средств выражения множественности и проследить, каким образом значение повторяемости формируется либо семантикой самого глагола, либо контекстом высказывания. На следующем примере покажем, каким образом взаимодействие различных средств актуализирует категорию множественности, способствуя при этом реализации определенной стратегии речевого воздействия:

(5) *The overuse of veto rights – such as blocking three United Nations Security Council resolutions on Syria – has reduced Russia’s international standing and contributed to its growing isolation (Russia’s Veto Diplomacy, 2012).* / Чрезмерное использование права вето, в том числе срыв принятия трех резолюций Совета Безопасности ООН по сирийскому вопросу, ослабило международный авторитет России и усилило ее изоляцию на мировой арене.

В данном примере множественность маркирована с помощью морфологических (приставка *over-* в *overuse*), лексических (числительное *three*, причастие со значением интенсификации признака *growing*), грамматических (множественное число существительных *rights, resolutions*; форма эксклюзивного перфекта *has reduced and contributed*) средств. В контексте приведенного высказывания отглагольное существительное *overuse* играет важную роль в эмфатизации регулярности и избыточности действий России, указывая на ее устойчивую практику применения вето в Совете Безопасности ООН. Также необходимо отметить использование герундия *blocking*, который в сочетании с существительным множественного числа *resolutions* и числительным *three* акцентирует внимание на повторяемости (итеративность) и регулярности действия, что усиливает обвинительный характер высказывания. В рамках этого примера грамматическая структура с эксклюзивным перфектом *has reduced*, указывающим на результативность, дополнительно акцентирует долгосрочные последствия (*growing isolation*) систематического применения вето Россией, формируя ее образ как страны, неизбежно движущейся к международной изоляции через системность «нежелательных» для остального мира действий (выход за рамки контекста высказывания).

3. Реализация ключевых стратегий воздействия через категорию множественности

Детально рассмотрим фрагменты новостного дискурса для анализа роли категории множественности в реализации макростратегий дискредитации и легитимации из издания *The New York Times*:

(6) *Recently, the two countries have grown bolder: Their militaries have held joint exercises near the U.S., Japan and Taiwan (Understanding the BRICS Summit, 2024).* / В последнее время обе страны стали решительнее. Их военные силы провели совместные учения вблизи границ США, Японии и Тайваня.

Этот текстовый фрагмент демонстрирует нарастающую повторяемость, которая усиливает восприятие военной активности России и Китая как прогрессирующей и несущей угрозу. Перфектный аспект *have grown* и сравнительная степень прилагательного *bolder* подчеркивают динамическое изменение состояния, предполагая, что действия Китая и России усиливаются со временем. Употребление перфектного аспекта *have held* наряду со словосочетанием *joint exercises* указывает на многократность военных маневров, которые имели место ранее. Аспект множественности реализуется через указание на количество (*two*) и множественное число (*countries, exercises*), что закрепляет образ стран, действующих в связке. Глагольная (перфект) и именная (категория числа) множественность актуализируют итеративное значение: Россия и Китай фигурируют в контексте неоднократно повторяющейся совместной военной активности. Множественное перечисление географических объектов *near the U.S., Japan and Taiwan* создает эффект распространяющейся угрозы, указывая, что действия двух стран носят широкомасштабный и стратегический характер. Таким образом, итеративность в данном примере создает ощущение нарастания и постепенной эскалации. Действия Китая и России не только многократно повторяются, но и приобретают все более провокационный характер, что усиливает восприятие их как растущей угрозы, которая может дестабилизировать мировой порядок.

Стратегия дискредитации реализуется за счет основной тактики «анализ-минус». Автор статьи имплицитно формирует негативный образ России и Китая, указывая на учения вблизи границ нескольких стран. Более

решительный и дерзкий (*bolder*) характер действий усиливает вражеский образ стран-союзниц. Категория множественности в данном случае выражает значения неограниченно-кратной повторяемости и многократности через видо-временную форму предиката и форму множественного числа имен существительных.

В следующем примере в рамках стратегии дискредитации в контексте бездоказательного вмешательства России в политические события на международной арене (референдум о переименовании Македонии в 2018 году) журналист пишет следующее:

(7) Western diplomats say that *40 new websites are popping up each day* on Facebook* to encourage people to boycott the referendum. *These websites*, originating outside the country, *fit a pattern* of Russian interference in *other* elections, diplomats say (Russia Lays Out Demands..., 2021). / Западные дипломаты заявляют, что ежедневно в Facebook* появляется по 40 новых сайтов, призывающих людей бойкотировать референдум. По их словам, эти сайты, созданные за пределами страны, соответствуют схеме российского вмешательства в выборы и в других странах.

Предикат в настоящем продолженном времени *are popping up* (Present Continuous) актуализирует неограниченно-кратную повторяемость, подчеркивая непрерывный и систематический процесс создания сайтов. Множественность выражается через сочетание числового маркера *40*, категории числа (*websites*) и индикатора времени (*each day*), что усиливает локализованную повторяемость, фиксируя ежедневную цикличность и количественную интенсивность действий. Оборот *fit a pattern* маркирует хабитуальное значение, отражая устойчивое восприятие действий как части повторяющейся стратегии, а лексема *interference* в сочетании с местоимением и существительным во множественном числе *other elections* акцентирует дистрибутивную многократность, связывая текущие события с прошлыми. Акцент на ежедневном создании 40 сайтов формирует нарратив о масштабной и скоординированной подрывной кампании, противопоставляемой западному демократическому процессу.

Стратегия дискредитации реализуется с помощью тактики обвинения. Автор статьи ссылается на высказывания западных дипломатов, которые бездоказательно намекают на вмешательство России в политические события на международной арене. Более того, автор пишет о паттерне, который свойственен России при участии в политических процессах в другой стране. Категория множественности реализуется с помощью множественного числа существительных, предикатной множественности (хабитуалис) и локализованной повторяемости.

(8) Beijing and Moscow *are keen to see* BRICS *expand further*, and the Kremlin invited representatives from *another 20 countries* who have expressed interest in membership to participate in *this year's summit* (Putin Brings Together Economies..., 2024). / Заинтересованные в расширении БРИКС Пекин и Москва пригласили на нынешний саммит представителей еще 20 стран, выразивших желание стать его членами.

Данный фрагмент содержит пример дистрибутивности, выраженной сочетанием существительного во множественном числе и числовых маркеров *another 20 countries*, которое связывает количественное расширение с регулярным вовлечением новых участников. Помимо дистрибутивности, в этом текстовом фрагменте идентифицируются и другие признаки категории множественности. Так, местоимение-деиктик *this* в сочетании *this year's summit* вводит локализованную повторяемость, фиксируя действие в текущем цикле, но имплицитно указывая как на факт уже свершившегося действия в прошлом (*last year's summit*), так и на потенциальное продолжение в будущем (*next year's summit*). Предикат *expand* в составе инфинитивной конструкции [*see*] *BRICS expand further* подчеркивает процессуальность систематического (*further*) роста БРИКС. Помимо этого, предикативное выражение *be keen* в Present Simple маркирует дуратив, подчеркивая длительность намерения и придавая высказыванию оттенок устойчивости, характерный для хабитуального значения.

Стратегия легитимации реализуется с помощью тактики «анализ-плюс». Автор статьи имплицитно формирует образ России и Китая как стран, готовых вместе налаживать международное дипломатическое сотрудничество, что, в частности, актуализируется через значения дистрибутивности и хабитуальности.

В следующем примере автор статьи использует высказывание президента России, которое тот произнес в рамках саммита БРИКС в Санкт-Петербурге летом 2024 года. Одна из основных повесток саммита – экономическая ситуация на международной арене и ослабление позиций стран «Большой семерки» (G7). Говоря об экономическом вкладе стран альянса, который, по его словам, обеспечил более 40% роста глобального ВВП за последнее десятилетие, В. В. Путин сделал акцент на устойчивой тенденции увеличения разрыва с Коллективным Западом и перераспределении мировой экономики.

(9) “The gap is *widening*, and it will *further widen* – this is *inevitable*,” he [Mr. Putin] said (Putin Brings Together Economies..., 2024). / «Разрыв увеличивается, и он будет увеличиваться еще больше – это неизбежно», – сказал он [В. В. Путин].

В высказывании подчеркивается длительность и непрерывность процесса. Дуратив *is widening* актуализирует неограниченно-кратную повторяемость, подчеркивая процесс без четких временных границ. Будущее время (Future Simple) *will widen* в сочетании со сравнительной степенью наречия *further* прогнозирует дальнейшее продолжение тенденции. Эпистемическая модальность выражается с помощью эмоционально окрашенного прилагательного *inevitable*, связывающего динамику разрыва с неизбежностью, что характерно для хабитуального значения. Полиптотон *widening* – *widen* усиливает акцент на увеличивающемся экономическом расхождении.

Стратегия легитимации реализуется через тактику презентации достижений БРИКС в глобальном экономическом вопросе. В. В. Путин в своей речи указывает на достижения альянса в экономической сфере, которых тот добился за последние 10 лет, ссылаясь на статистику. Категория множественности выражает неограниченно-кратную повторяемость, которая актуализируется через дуратив. Дальнейшее развитие положительной тенденции выражено через предикат в будущем времени.

В основной части исследования были рассмотрены теоретические подходы к классификации стратегий речевого воздействия, что позволило обосновать выбор двух основных манипулятивных макростратегий. Проведенный анализ показал, что стратегии дискредитации и легитимации реализуются через конкретные тактики (обвинения, «анализ-минус», презентации, «анализ-плюс» и т. д.). Более того, иллокутивная сила дискредитирующих и легитимирующих высказываний тесно связана с актуализацией категории множественности.

Исследование продемонстрировало, что глагольная множественность, выраженная через видо-временные формы, категорию числа, и именная множественность, выраженная через числовые маркеры, лексические средства и контекстуальные элементы, усиливают манипулятивный потенциал текста. Категория множественности играет важную роль в реализации ключевых стратегий речевого воздействия в политическом медиадискурсе.

Заключение

В выводах следует отметить, что в результате анализа теоретических классификаций коммуникативных стратегий обосновано выделение двух базовых макростратегий исследования – дискредитации и легитимации. Показано, что в политическом медиадискурсе данные стратегии реализуются через совокупность конкретных тактик, среди которых наиболее значимыми являются обвинение, безличное обвинение, «анализ-минус», «анализ-плюс» и презентация.

В ходе теоретического осмысления множественность рассмотрена как функционально-семантическая категория, охватывающая номинативную и глагольную подсистемы языка. Установлено, что она репрезентируется значениями итеративности, дистрибутивности, хабитуальности, дуративности и интенсивности и реализуется средствами различных языковых уровней.

Анализ эмпирического материала подтвердил, что категория множественности является значимым средством актуализации стратегий дискредитации и легитимации. В текстах, реализующих стратегию дискредитации, преобладают многократность и неограниченно-кратная повторяемость, которые способствуют актуализации тактик обвинения и обличения и формируют представление о системном характере «враждебных» действий. В текстах, ориентированных на легитимацию, доминируют повторяемость с фиксированными циклами, дистрибутивность и хабитуальность, обеспечивающие реализацию тактик «анализа-плюс» и презентации, направленные на конструирование образа устойчивых позитивных тенденций.

Выявлена также закономерная связь между типами множественности и реализуемыми тактиками. Неограниченно-кратная повторяемость преимущественно соотносится с тактиками обвинения и обличения, ограниченно-кратная повторяемость – с тактикой презентации, дистрибутивная множественность – с обвинительными тактиками, формирующими представление о масштабности и системности действий, тогда как локализованная повторяемость носит фоновый характер и служит средством репрезентации планомерности процессов.

Дополнительно установлено, что сочетание средств выражения глагольной и именной множественности усиливает оценочность высказываний и их аргументативный потенциал. В дискредитационных текстах такие сочетания повышают обвинительную направленность высказываний, а в легитимационных – способствуют репрезентации стабильности позитивных закономерностей.

Таким образом, поставленные в исследовании задачи решены. Полученные результаты подтверждают значимую роль категории множественности в реализации стратегий дискредитации и легитимации и ее вклад в формирование структурной и смысловой организации политического медиадискурса.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением корпуса анализируемых текстов для верификации выявленных закономерностей, а также с проведением количественно-статистического анализа различных типов категории множественности (дуративность, хабитуальность, дистрибутивность, итеративность) и модальности, а также определение их роли для более усиленной реализации макростратегий дискредитации и легитимации.

Примечание: * – Meta (владелец Facebook* и Instagram*) – организация признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории России.

Материалы исследования | Research materials

1. Putin Brings Together Economies He Hopes Will Eclipse the West. 2024. October 21. <https://www.nytimes.com/2024/10/21/world/europe/russia-china-brics.html>
2. Putin welcomes Iran, India, China to BRICS Summit to discuss “new world order” to challenge the West. 2024. October 23. <https://www.foxnews.com/politics/putin-welcomes-iran-india-china-brics-summit-discuss-new-world-order-challenge-west>
3. Russia Lays Out Demands for a Sweeping New Security Deal With NATO. 2021. December 17. <https://www.nytimes.com/2021/12/17/world/europe/russia-nato-securitydeal.html>
4. Russia’s Veto Diplomacy. 2012. August 14. <https://www.nytimes.com/2012/08/15/opinion/russias-veto-diplomacy.html>
5. Understanding the BRICS Summit. 2024. Oct. 21. <https://www.nytimes.com/2024/10/21/world/brics-summit-countries-goals.html>

Источники | References

1. Бодуэн де Куртене И. А. Количественность в языковом мышлении // Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 2.
2. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо; Изд-во Московского университета, 1997.
3. Егошкина В. А. Государственный политический пропагандистский медиадискурс: речевая и манипулятивная специфика // Политическая лингвистика. 2023. № 5 (101).
4. Ехлакова Н. Ф., Иссерс О. С. Тактика отстройки от конкурентов в политическом дискурсе президента РФ В. В. Путина // Политическая лингвистика. 2022. № 6 (96).
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Лучшие компьютерные игры, 2008.
6. Каменева В. А., Рабкина Н. В. «Этическая оценка» как одна из тактик актуализации стратегии делегитимизации в предвыборном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-743-757>
7. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005.
8. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации: учебное пособие. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного технического университета, 2000.
9. Ключев Е. В. Речевая коммуникация. М.: ПРИОР, 1998.
10. Колмогорова А. В., Горностаева Ю. А. Все ли могут короли? или Стратегии легитимации испанской монархии в политическом медиадискурсе СМИ // Политическая лингвистика. 2021. № 1 (85).
11. Малышева Е. Г., Роголева О. С. Русский политический пропагандистский медиадискурс: определение понятия, структура и границы, характеристика субъектов // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. Т. 12. № 3. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2023.12\(3\).544-561](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2023.12(3).544-561)
12. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
13. Мельник Н. В., Силкова М. А. Легитимирующие стратегии в видеообращениях региональных политиков России и Германии в период первого локдауна COVID-19 // Филология и человек. 2021. № 4. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2021\)4-02](https://doi.org/10.14258/filichel(2021)4-02)
14. Михалёва О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009.
15. Недзельская А. Б., Борискина О. О. Манипулятивные стратегии в англоязычном медиапространстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2.
16. Паршина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Лучшие компьютерные игры, 2007.
17. Савельева И. В. Механизмы легитимизации в медиадискурсе (на материале интернет-СМИ) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 6. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2019-18-6-188-198>
18. Типология итеративных конструкций: коллективная монография / отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989.
19. Филинский А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг.: автореф. дис. ... к. филол. н. Тверь, 2002.
20. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
21. Ясаи Л. К вопросу о выражении итеративности в русском языке // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2022. № 1. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2022.11.1.12>
22. Chilton P. Analysing political discourse: Theory and practice. L.: Routledge, 2004.
23. Chomsky N. 10 strategies of manipulation by the media. 2011. <https://parisis.files.wordpress.com/2011/01/noam-chomsky.pdf>
24. Chomsky N. Deterring democracy. Random House, 1992.
25. Dommett K., Mensah S. A., Zhu J., Stafford T. Understanding the communicative strategies used in online political advertising and how the public views them // The British Journal of Politics and International Relations. 2025. Vol. 27. No. 3.
26. Dressler W. U. Studien zur verbalen Pluralität: Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen. Wien: H. Böhlau Nachf., 1968.
27. Fairclough N. Analysing discourse. L.: Routledge, 2003. Vol. 270.
28. Herman E., Chomsky N. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media'. N. Y.: Pantheon Books, 1988.
29. Martin J. R., White P. R. R. The Language of Evaluation: Appraisal in English. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. <https://doi.org/10.1057/9780230511910>
30. Mocanu M. The Political Metaphor-From Expressive Values to Persuasive Virtues // International Letters of Social and Humanistic Sciences. 2015. Vol. 57.
31. Pennycook G., Rand D. G. The psychology of fake news // Trends in Cognitive Sciences, 2021. Vol. 25. No. 5. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2021.02.007>
32. Potter J. Representing reality: discourse, rhetoric and social construction. L.: Sage, 1996.

33. Udry J., Barber S. J. The illusory truth effect: A review of how repetition increases belief in misinformation // Current Opinion in Psychology. 2024. Vol. 56. Article 101736. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2023.101736>
34. Van Dijk T. A. Discourse and manipulation // Discourse & Society. 2006. Vol. 17. No. 3.

Информация об авторах | Author information

Катаргулов Дмитрий Николаевич¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Dmitry Nikolaevich Katargulov¹

¹ Saint Petersburg University

¹ qatargullv@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.02.2026; опубликовано online (published online): 17.04.2026.

Ключевые слова (keywords): общественно-политический дискурс; стратегии речевого воздействия; стратегия дискредитации; стратегия легитимации; категория множественности; socio-political discourse; communicative strategies; strategy of discrediting; strategy of legitimation; category of multiplicity.